

18+

ИЗ ЦИКЛА DEEP FAIL STATE

ПОСЛЕДНИЕ РЕЙДЕРЫ ТЕХАСА

18+

ПИТЕР ЧАРСКИ

Питер Чарски

**Последние рейдеры Техаса.
Из цикла DEEP FAIL STATE**

«Издательские решения»

Чарски П.

Последние рейдеры Техаса. Из цикла DEEP FAIL STATE /
П. Чарски — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-623979-1

В постапокалиптическом мире каждый сам за себя, а руины цивилизации — отличная почва для процветания анархии и порока. Однако есть на просторах Техаса герои, готовые до последнего патрона защищать закон и порядок. Об их решающей битве против объединенных сил зла и повествует новый эпизод саги Deer Fail State. Эпоха рейдеров и наркобаронов завершилась, но человеческая природа неизменна, и власть — слишком лакомая цель, будь ты вождь дикарей, предводитель банды или президент Техасской Директории. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-623979-1

© Чарски П.
© Издательские решения

Содержание

Эпизод IV.	6
От автора	6
Пролог	7
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Последние рейдеры Техаса Из цикла DEEP FAIL STATE

Питер Чарски

Корректор Сергей Барханов

© Питер Чарски, 2024

ISBN 978-5-0062-3979-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпизод IV.

2072—2074

«Что за день... Какой чудесный день!»

Дорога Ярости

«Жизнь – это боль, но это все равно жизнь».

Жизнь

«Пусть сердца ваши раньше вступят в бой, чем ваши руки!»

Ортайяс Сфранцуз

перед битвой при Марагхе

От автора

*Это вторая по времени написания и четвертая по хронологии саги повесть из цикла *Deep Fail State* (расшифровывайте по вашему желанию – от «состояния глубокого сбоя» до «глубинного государства-банкрота»), действие которой происходит в двух временных пластах (2072—2074 и 2112 годы). Основа сюжета – военная экспедиция генерала Джона Спринггета (уже знакомого читателям по «Байкам пустошей»), предпринятая в 2073 году к озеру Амистад, и решающая битва с объединенными силами рейдеров и наркобаронов. Мир вокруг изменился, и герои тоже изменились, а не просто постарели. Эпоха рейдеров завершается, и, как всегда, когда что-то уходит безвозвратно, остается только грусть по всему, что было. По внутренней хронологии мира *DFS* этому сюжету предшествуют «Дороги смерти» и наследует роман «Дикари», действие которого начинается в 2086 году и происходит в Аризоне. Пролог и эпилог этого эпизода происходят уже в 2112 году и являются частью трилогии «Император», тесно связанной, впрочем, с событиями основного сюжета и битвой за Амистад.*

Пролог

Где-то севернее Красной Линии. Начало 2112 г.

Любая система выборного правления рано или поздно закончится династией – такова природа человека, и мы не в силах ее изменить.

*Приписывается
Эдварду Эвансу,
первому президенту
Техасской Директории*

Странный человек в лохмотьях, скрывающий свое лицо, назначил Эндрю встречу за окраиной города, в старых руинах, за час до заката. Не лучшее время и не самое безопасное место, и в других обстоятельствах Эндрю бы отклонил предложение, но сейчас, похоже, выбора у него не было. Слишком интересным и необходимым Эндрю было то, чем обладал незнакомец, да и цена вполне соответствовала. Эндрю вышел из дома в середине дня и сделал вид, что идет на рынок. То есть пошел в центр, а не на окраину. И он действительно дошел до городского рынка, некоторое время побродил мимо прилавков с разложенными товарами, скобяными изделиями и всяким хламом из руин, старательно игнорируя особенно надоедливых продавцов. Было достаточно прохладно, и он сделал вид, что ему холодно, и, потоптавшись на пороге, зашел в небольшое питейное заведение под названием «Ржавый крючок». Там он заказал кружку пива и снеки из оленины и просидел в кабинке за столиком полчаса, так и не притронувшись к еде и выпивке. Он сел напротив входа и внимательно разглядывал всех пришедших. Их было всего двое: первый – грузный мужчина с видом охотника, а второй – сутулый человек в черной сутане под коротким полушубком. Подол его сутаны был расшит странными знаками, и Эндрю сразу узнал в нем еретика. Оба, не останавливаясь, прошли через заведение и явной опасности для Эндрю не представляли. Главным достоинством «Ржавого крючка» был второй выход, ведущий на узкую улочку, известную в народе как переулок Подружек. Она состояла сплошь из сдававшихся внаем комнатушек, и туда обычно ходили местные, чтобы немного отдохнуть от своих жен. Весь смысл «Ржавого крючка» заключался в том, что он позволял пройти к этим комнатам свиданий незамеченным с главной улицы. Эндрю туда не ходил, но про это место знал, и сегодня был отличный день, чтобы этим знанием воспользоваться. Он оставил на столе пару монет и вышел через заднюю дверь в переулок, постоял на кривой улочке, вдыхая морозный воздух и ожидая, не выйдет ли кто сразу за ним, а затем пошел дальше.

Он подошел к старым руинам примерно на полчаса раньше, чем была назначена встреча. Никого вокруг не было, он специально сделал значительный крюк, выслеживая возможную засаду. Следов тоже нигде не было видно – похоже, никто сюда не ходил последние несколько дней. Эндрю немного расслабился, но на всякий случай проверил свой револьвер, засунутый за пояс под полушубком: оружие должно быть в тепле, чтобы не подвести в самый ответственный момент.

Припорошенные снегом развалины домов, от которых уже почти ничего не осталось, стояли как раз на окраине степи. Их очертания были неясными, и даже то, для чего они были построены, было давно забыто. Возможно, это когда-то был заводик, а может быть, и старые казармы – все равно, кроме фасадов и кусков стен, ничего не осталось. Вокруг раскинулась бескрайняя северная степь, покрытая снегом, казавшимся в этот сумрачный день серым. Лишь изредка можно было увидеть редкие следы животных, а вдалеке виднелись горы, но их вершины, тоже покрытые снегом, отсюда казались недостижимыми. Эндрю нашел в руинах условленное место – здание с наполовину сохранившимися стенами, когда-то выкрашенными крас-

ной краской, – и присел в ожидании в угол, на кучу битого кирпича. Чтобы не замерзнуть, он достал фляжку и сделал пару глотков, обжегших ему губы и горло.

Фигуру странного человека он заметил издали, поскольку отлично видел уходящую в сторону города тропинку. Странный человек тащился так медленно, еле переставляя ноги вслед за своей палкой, что Эндрю казалось, что ожидание напоминает пытку. Но зато он был уверен, что тут нет никакого подвоха: ну кто будет устраивать такое представление лишь ради того, чтобы ограбить простого заводского рабочего. Странный его тоже заметил и сразу же изменил направление, сойдя с тропинки и двинувшись прямо к нему. По небу ползли темно-серые облака, а город в отдалении начинал слегка светиться, потому что приближались сумерки.

– Кхек, – издал человек кричащий звук вместо приветствия. – А ты похож на него даже сильнее, чем я думал.

– На кого? – спросил Эндрю, тоже не собираясь здороваться.

– На своего деда, не на отца, – произнес странный человек. Голос у него был надтреснутый и сиплый, но еще не старческий.

– Ты принес то, что обещал? – спросил Эндрю.

– Конечно, конечно! – произнес странный человек и расторопно достал из бесформенных складок небольшой сверток. – Вот она.

Эндрю взял сверток из его руки и почувствовал чуть теплую телячью кожу. В коже он хорошо разобрался еще с тех пор, как работал траппером. Кожа была выделана давно и не в этих местах.

– Хорошая кожа, – сказал Эндрю, глянув на странного. – Не местная. Откуда?

Тот не ответил, стоя рядом и кутаясь в свои лохмотья.

– Разворачивай и проверь, – сухо сказал он.

Под несколькими слоями кожи оказалась небольшая книга, которая вполне бы поместилась Эндрю в карман, если бы таковые были на его полушубке. Книга была достаточно старая и уже порядком потрепанная, но в книгах Эндрю разобрался не очень хорошо, поэтому не сказал бы сколько ей – десять лет, двадцать или все тридцать. Старая, в общем, книга. На синей обложке было отпечатано: «Издательство Союза Патриотов, 2080, Эль-Пасо».

– Сейчас такие южнее Красной Линии вне закона, – проскрипел странный.

– Ну мы-то почти за Линией, да и никто толком не знает, где она проходит, на земле ведь ее никто не чертил... – спокойно возразил Эндрю.

– Все равно, чтобы ее сюда доставить, пришлось изрядно потрудиться, – заметил странный.

Открыв книгу, Эндрю на первой странице увидел ее название: «История похода на Амистад». Чуть ниже и другим шрифтом был указан автор: «Капитан П. Уиллис, под общей редакцией генерала армии Техасской Директории Джона Спрингтета».

– Насколько точно, что это именно он написал? – спросил Эндрю.

– Не точно. Скорее всего, не он, а кто-то из офицеров его штаба уже после всех событий. Но основана она на его дневниках, это точно.

Они помолчали. Изо рта Эндрю при дыхании вылетали крохотные облачка пара и сразу же растворялись в морозном воздухе. Странный стоял рядом как статуя и как будто вообще не дышал. Эндрю полистал книгу, но, кроме текста и плохо пропечатавшихся черно-белых схем, там ничего не было. Он пошелестел страницами и закрыл книгу.

– Мой отец был уже старым, когда я родился, я его не помню.

– Кхек, с ним была такая же история. Его отец вообще погиб в той аварии, где твой заработал титановую пластину себе в голову...

– А кто-нибудь остался в живых?

– Из кого? – не понял странный.

– Ну, из тех, кто вот тут, – Эндрю постучал по обложке книги ногтем, – упомянут. Кто-то сейчас живой?

Странный немного подумал и произнес:

– Сложно сказать за всех... Лилу живая еще, она вроде бы в лагере арizonских бандитов на дамбе Паркера, но ей уже около восьмидесяти. Генерал Анкман, он где-то на севере. После подписания мира он со своей бригадой ушел за Красную Линию. А про остальных ничего не известно...

– Ладно, хватит разговоров, – произнес Эндрю, поднимаясь и разминая ноги. – Сколько?

– Нисколько, даром отдаю.

Эндрю показалось, что лицо под капюшоном расплылось в кривой улыбке, но в сгустившихся сумерках он этого, конечно, не увидел.

– Не, так не пойдет, возьми! – Эндрю протянул мешочек с крышками странному, но тот стоял неподвижно.

Тогда Эндрю схватил странного за руку, намереваясь вложить мешочек, но тот неожиданно и резко отдернул ее, оставив у Эндрю перчатку. Мельком Эндрю увидел его красно-коричневую, лишенную кожи, высохшую руку.

– Так ты из этих, ты мертвяк, – сказал Эндрю. – На, возьми свою перчатку, руку отморозишь – и она отвалится. Теперь понятно, зачем весь этот маскарад...

– Мог бы догадаться и раньше, – раздраженно просипел странный. – В городе мне не рады...

– Да уж, понимаю, – заметил Эндрю. – Я и сам вашего брата недолюбиваю.

– И ты тоже лучше переезжай, – произнес странный, с трудом натягивая на свою скрюченную руку перчатку. – В Канзас-Сити тебе будет безопаснее. Там большое строительство, таким, как ты, там всегда найдется работа, да и проходной двор там сейчас. Как появишься, так и исчезнешь незаметно.

– Если я не покупаю книгу, а получаю бесплатно, значит, товар не книга, а я сам, – сказал Эндрю, засовывая сверток с книгой за пазуху. – А в таком случае я все-таки хотел бы знать, кто же покупатель?

– Дочитаешь – и все узнаешь, там визитка в кармашке на последней странице, – сказал странный, и добавил: – Там все и узнаешь, вот там все и узнаешь...

Эндрю повернулся и, не прощаясь, пошел прочь от руин в сторону городка. Куда двинулся после их разговора мертвяк в лохмотьях, он не увидел.

Глава первая в доступной и обстоятельной форме рассказывающая о причинах военной кампании 2072 года, а равно о диспозиции и развертывании сил сторон

Как и было уже поведено пытливому читателю в предисловии к данной работе, конфликт между так называемыми «рейдерскими государствами» Юга и Техасской Директорией, единственной законной властью в этой части бывших Соединенных Государств, был предопределен расширением нашей молодой республики на юго-запад и стремлением правительства Тристарра восстановить старую техасскую границу по реке Рио-Гранде. К началу 2070-х годов в этих районах располагались земли трех разбойничьих кланов: Гивин, Мохок и Тихуана. Два первых были остатками распавшейся несколько лет назад Конфедерации рейдеров, а третий – сильно ослабленным после междоусобной войны альянсом наркобаронов.

К этому времени вооруженные силы Техасской Директории взяли под свой контроль обширные земли дикарей от руин Далласа и вплоть до поселка Добрые Друзья. Уже на следующий год была начата масштабная программа заселения пустошей, в рамках которой граждан Директории из переполненных городов переселяли в построенные за государственный счет небольшие сельскохозяйственные поселки на границах государства. Таким образом, например, был заново заселен полностью вырезанный налетчиками Форт-Пекос, ставший юго-восточным форпостом государства в землях рейдеров. Директория уже прочно укрепилась в Далласе и расширила сферу своего влияния, а затем вплотную приблизилась к желаемым границам довоенного Техаса. Вскоре президент Эдвард Эванс объявил о планах расширения государства до своих исторических границ также и по рекам Канадиан, Пекос, Рио-Гранде и Миссисипи. Реализация этого амбициозного плана была поручена армии Директории, а первым шагом должно было стать покорение лежащих на юго-западе земель.

Однако вплоть до середины 2072 года никаких действий в этом направлении не предпринималось, и на территории будущего военного театра было в целом спокойно. Здесь по-прежнему кочевали племена дикарей, а отряды налетчиков патрулировали пустоши и выискивали добычу. Однако за кажущимся спокойствием скрывалась напряженная подготовительная работа, которую по поручению президента вел генерал Джон Спрингтет. И тут нам необходимо отметить, что только благодаря его блестящему аналитическому уму, его широчайшим знаниям и неисчерпаемой энергии удалось решить все эти сложнейшие задачи в нужный срок и в наилучшем виде. Таким образом, его усилиями к первым числам ноября войска Директории были подготовлены к предстоящим действиям и получили боеприпасы и снаряжение, после чего подразделения начали развертывание.

К этому моменту под властью Директории находилось уже свыше тридцати поселений, в которых проживало более шестидесяти тысяч человек. Экономика страны опиралась на эмиссию бумажных денег (по-прежнему называемых «патроно-баксы»), обеспеченных запасами топлива (около семи тысяч тонн), патронов (более двух миллионов штук) и золота (почти двести стандартных слитков в четыреста тройских унций весом). Таким образом, на момент начала военной кампании в казне президента Эванса было чуть больше полутора миллионов долларов. Официальный курс доллара к продолжавшим использоваться на просторах пустошей «крышкам» был в то время один к одному, однако в отдаленных поселениях бумажные деньги по-прежнему брали неохотно. Численность армии Директории к этому времени выросла почти до двух тысяч солдат, но наиболее боеспособные части, составленные из вете-

ранов кампании по покорению руин Далласа, насчитывали не более трех сотен бойцов. Оставшиеся независимыми военная база Инглесайд (2,5 тысячи жителей) и район «Патриотов Эль-Пасо» (около 10 тысяч жителей) к этому времени были надежными союзниками Директории, также поддерживавшими поход техасцев против произвола и беззакония.

Об организационных, военных и финансовых возможностях рейдерских кланов и наркобаронов не сохранилось достоверных сведений (поскольку, в отличие от правительства Директории, они не отчитывались в «Вестнике Тристара» о состоянии своей казны или численности армии), но можно предположить, что под их преступным гнетом в тот момент существовало не более двадцати тысяч человек. Таким образом, как мы можем заключить, это был судьбоносный момент для молодого техасского государства, когда оно от периода неустойчивого равновесия и обороны перешло к активной экспансии с целью принести законную власть в другие регионы бывших Соединенных Государств.

Совещание в Тристаре. 2 ноября 2072 г.

На стене президентского кабинета висела большая и уже выгоревшая на солнце карта штата Техас, на которой полупрозрачным бирюзовым маркером была обведена текущая граница Директории. Спрингтет сидел и сонно разглядывал эту карту, пока ждал Эванса и Де Ла Венжа. Точнее, ждал он прежде всего Де Ла Венжа, поскольку теперь тот занимал этот кабинет, ранее принадлежащий Эвансу. А Де Ла Венж буквально пять минут назад вышел встречать приехавшего со своего ранчо мистера президента. Де Ла Венж стал руководителем разведки, и его отряд «Девять Восемь» теперь был вовлечен во все секретные операции Директории на просторах пустошей. Или теперь уже просто просторах государства Техас? Спрингтет, которому недавно исполнилось пятьдесят шесть лет, не знал ответа на этот вопрос – все еще было сложно провести черту между былой вольницей отдаленных поселков и новыми строгими порядками. Эдвард Эванс же почти не появлялся в столице, все время находясь в своей загородной резиденции в окружении охраны, набранной, по слухам, из самых диких и лютых женщин со всех частей Техаса. В народе распространялись самые безумные слухи о разнузданных оргиях, которым предается президент со своей гвардией, и о возмутительных нравах, царящих на ранчо «Новый Мир», но Спрингтет точно знал, что все это пустая брехня. Эдвард уже год передвигался преимущественно на инвалидной коляске – что-то случилось с его суставами, и он не мог пройти самостоятельно и десяти шагов. Так что в пару десятков нянек Спрингтет вполне мог поверить, но в дикие оргии – точно нет.

В отсутствие президента его столичный кабинет занял Жан Де Ла Венж, который после длительного лечения у доктора Льюиса тоже теперь почти не выезжал из столицы. Иногда Спрингкету даже казалось, что бывший полевой командир, одно только имя которого многие все еще боялись произносить вслух, а кровавую четырехбуквенную подпись из тел поверженных противников знал весь Техас, заработал себе какую-то фобию, прочно удерживавшую его по эту сторону городских ворот. А на долю Спринггета недавно выпала роль министра обороны Директории, поэтому теперь он был главой армии и в мирное, и в военное время. Первого, впрочем, пока не было – стычки с бандитами и дикарями шли постоянно по всему периметру Директории, а иногда и внутри ее пределов.

Спрингтет поднялся, чтобы немного размяться, и прошелся по кабинету. Он подошел к огромному и очень старому напольному зеркалу и взгляделся в свое отражение. Потрогал раму и подумал, что это зеркало как-то ему очень знакомо. Интересно, оно то самое или Де Ла Венж откопал в Тристаре какое-то похожее? Да, что ни говори, годы не сделали его моложе, но из отражения на него хмуро посмотрел все еще крепкий и решительный человек. Этот человек в отражении привычным жестом поправил на голове темно-зеленый берет с армейской эмблемой и расположил его складки так, чтобы скрыть огромный шрам на своей голове.

Затем отряхнул и расправил зеленую куртку и светлые штаны песочного цвета с наколенниками. Поглядел на начищенные армейские ботинки на высокой шнуровке и решил, что этого достаточно.

За дверью послышались голоса, и Спринггет отвернулся от зеркала.

– Здравствуйте, дорогой Джон! Безумно рад вас видеть!

В кабинет вкатилось кресло, откуда бодрый и улыбающийся президент Эдвард Эванс тянул ему руку для рукопожатия. Кресло вкатила дочь президента Элеонора, такая же свежая и красивая, как и десять лет назад. Она кивнула и легко улыбнулась Спринггету.

– Доброе утро! Здравствуйте! – сказала она, пристроив своего отца около стола и слегка склонившись для приветствия со сложенными руками.

– Привет-привет, давно не виделись! – произнес вошедший последним Де Ла Венж. Его покрытая морщинами лысина и странная прическа из поднятых дыбом остатков волос, ставших уже совершенно белыми, как обычно, немного смутили Спринггета.

После приветствия и небольшой суеты, связанной с появлением в кабинете ординарца с подносом, где дымились кружки чая и призывно располагались закуски, все, кроме Эванса, который и не вставал, расселись и начали беседовать. Точнее, беседовать начал Эдвард Эванс, а остальным оставалось только слушать.

– Любая экономика стоит на трех китах! – говорил президент, поднимая руку с выставленным пальцем. – Это рабочая сила, финансы и технологии. – Он добавил к своей фигуре еще два пальца. – Именно эти три фактора в синтезе дают новые производства, новое благосостояние, новые деньги. Вкупе они кардинально увеличивают мощь государства. И мы на правильном пути: население растет, и не только за счет воспроизводства, но и за счет переселенцев, мы печатаем деньги, мы восстанавливаем производства.

Эванс замолчал и отхлебнул из кружки чай.

– Но и противники не стоят на месте, – вставил Де Ла Венж.

– Да, именно так, мой дорогой Жан! Рейдерские кланы пусть и медленно, но тоже превращаются в государство, однако есть одно «но»! Они уже утратили все свои плюсы, а пока получили одни минусы. Они еще не могут стабилизироваться как государственные образования, но и легучими отрядами налетчиков быть уже перестали. Это теперь армия. Коррупцированная, плохо организованная, ненадежная, но армия. Надо нанести удар сейчас и навсегда похоронить эти их идеи о превращении в суверенные государства!

– А откуда у них вообще возникли такие идеи? – спросила Элеонора.

– Грейс Хаммер, – быстро ответил Де Ла Венж.

– Да, вот видите, господа, даже в среде налетчиков, этого отребья, могут возникнуть люди с государственным типом мышления! Поэтому мы должны действовать решительно! – весомо произнес Эванс.

– Мы именно об этом и будем сегодня говорить с Джоном, он специально для координации планов кампании приехал... – сказал Де Ла Венж.

Президент, впрочем, его не слушал и продолжал свою лекцию. Спринггет в это время думал, что вот надо же, как забавно складывается: они оба уже не молоды, а теперь полностью поменялись ролями и местами. Де Ла Венж безвылазно сидит в Тристаре и планирует хитроумные комбинации со своей личной разведкой, а он вместо штабной работы водит войска по полям сражений. И все-таки он, а не Де Ла Венж взял Даллас и очистил всю центральную область от бандитов и дикарей. На этой приятной мысли Спринггет отвлекся от прошлого и понял, что говорит уже Элеонора.

– Мы все-таки так мало знаем о том, что происходит за границами штата. Что, например, творится в Аризоне? В Канзасе?

– В Канзасе Дозор, это мы как раз знаем. – тут же парировал Де Ла Венж.

– Хорошо, про взятие горы Шайенн я тоже слышала, а дальше? Что в Монтане, Калифорнии, Европе, наконец?

– Боишься десанта французов? – улыбаясь, спросил Эванс.

– Или китайцев, – серьезно ответила Элеонора.

– Судя по тому, что за двадцать лет нас никто не приплыл завоевывать, то везде, во всем мире, от Европы до Китая, такой же ужас и разруха, как у нас, – вступил в разговор Спринггет.

– Да мы даже до сих пор причины Катастрофы и ее виновников не знаем, – махнула рукой Элеонора. – Вирус, психотропное воздействие, видоизмененный белок – а кто это все сделал?

– Я не думаю, что это были русские, китайцы или кто-то еще из известных нам врагов, – ответил ей Эванс. – Скорее, это какая-то новая сила, которая либо погибла в последовавшем хаосе, либо затаилась до поры и сейчас ждет.

– Давайте вернемся к теме нашей встречи, – произнес Де Ла Венж, доставая из ящика пухлую папку.

– Какой теме? – спросил вдруг Эванс.

– Ну как, мы же собрались, чтобы договориться о сроках кампании на юго-западе...

– А, точно! Здравствуйте, дорогой Джон, как же я рад вас видеть!

Эванс обернулся к Спринггету и радостно протянул ему руку. Глаза его были при этом совершенно безумными. Спринггет, стараясь скрыть захлестнувший его ужас, молча пожал руку и взглянул на Де Ла Венжа и Элеонору. Лицо первого осталось совершенно невозмутимым, а дочь Эванса немного скованно пожала плечами и обратилась к отцу:

– Пап, нам уже пора, доктор Льюис нас уже, наверное, ждет!

– Да, точно, дорогая. Проклятая забывчивость. Как хорошо, что ты у меня есть и про все мне напоминаешь. Я вернусь к вам позже, джентльмены – хотел поделиться своими мыслями относительно того, какие слабые места есть у наших противников. Но это позже, все это позже...

Спринггет неожиданно увидел, как глаза Эдварда Эванса погасли и он вдруг стал старым, каким-то сгорбившимся и очень усталым. Он даже не обернулся, когда Элеонора вывезла коляску с ним в коридор и закрыла дверь.

– Давно он такой? – спросил Спринггет Де Ла Венжа.

– Порядочно. И с каждым месяцем немного хуже, – ответил тот.

– Да, так обидно. Такой интеллект – и вот так вот... Как думаешь, сколько он еще протянет?

– Я тебе этого не говорил, но Льюис считает, что меньше чем через год он станет совсем овощем.

Де Ла Венж открыл папку и начал раскладывать по столу документы. Спринггет вытащил из нагрудного кармана небольшие очки и уже прилаживал их на нос – им предстояла большая и основательная бумажная работа.

* * *

Ноябрь выдался теплым, но к вечеру ощутимо похолодало. Стоя на прохладном ветерке в ожидании, пока на штабные машины погрузят ящики с приказами по армии, Спринггет вспомнил, как их стратегическое положение выглядит на карте, висящей в кабинете Эванса. Конфедерация рейдеров и картель Тихуана не выглядят на этой карте слабыми противниками, вместе они едва ли не больше Директории. Тихуана как опухоль разрослась на юге, оседлала Рио-Гранде в нижнем течении и вырастила метастазы, тянущиеся щупальцами на северо-восток, к самым густонаселенным землям штата. На юге ее продвижение остановил Инглесайд, поэтому на берегу качинос сейчас уже не встретишь. Конфедерация рейдеров смыкалась с картелем на севере по течению реки, где-то в районе Орлиного Прохода. Дальше рейдеры опира-

лись на Мохок, Добрых Друзей, форты Ланкастер и Стоктон. Петролеум – город, выстроенный вокруг нефтеналивного терминала, – был на границе территории рейдеров и здесь уже начинались земли под контролем 32-го командования. «Патриоты» из Эль-Пасо не пускали бандитов дальше на запад, а вот движение отрядов налетчиков на север, северо-восток и восток могли ограничить только их скромные запасы бензина. Поэтому пограничные поселения Директории – Абилин, Хватай-Город, Григгинз – постоянно испытывали опасность их набегов. А еще севернее бродили совсем уж дикие банды – так называемые «неприсоединившиеся». Их земли шли до Канадской реки, за которой, по слухам, стояли уже форпосты Дозора.

Именно этот район, от западной окраины обширных руин Далласа до Добрых Друзей, и был целью новой военной кампании, названной Де Ла Венжем очень просто: «Южное наступление». Хотя сам Спринггет про себя называл ее еще проще: «Моя война». Конечно, как любой полководец, он жаждал побед, каждая из которых должна становиться ступенькой на лестнице, ведущей к сверкающей славе, где фанфары, знамена и херувимы поют ему осанну. Впрочем, у него не было каких-то особенных планов относительно завершения своей карьеры. Просто надо очистить штат от всего дерьма, а медные трубы подождут. Но он прекрасно понимал: задача сейчас настолько сложна, что этот бой легко может оказаться для него последним.

На крыльце президентской резиденции появился зябко кутающийся в сюртук Де Ла Венж. Ветер чуть шевелил его странную белую прическу, издав далеко напомнившую Спринггету сдвинутый на затылок ночной колпак. Он быстро преодолел разделявшее их расстояние и сказал:

– Ну, вроде все подготовили. В добрый путь. Куда сейчас?

– В Хватай-Город, там стоит ополчение, – ответил Спринггет.

Они пожали друг другу руки, и в последний момент Спринггет вспомнил и уже буквально на бегу спросил:

– Жан, а сын-то как?

– Отлично! – махнул рукой Де Ла Венж. – Пятнадцать ему уже! Читает на трех языках, вот так!

Спринггет сел в машину, пару раз хлопнул плохо закрывающейся дверцей и кивнул водителю. Машина тронулась и со стрекотанием мотоциклетного мотора начала тихонько набирать скорость. Он повернулся и еще раз помахал стоящему на улице Де Ла Венжу, который в ответ просто поднял руку ладонью вверх. Защемило от волнения сердце – кто знает, вернется ли он обратно?

– Победа или Вальхалла – третьего не дано! – стряхивая наваждение, уверенно произнес он.

Его водитель по кличке Призрак, возивший Спринггета всю далласскую кампанию, только с улыбкой кивнул и посильнее нажал на газ. В столбе пыли они выехали из городских ворот Тристара и повернули налево, на расчищенную дорогу, чтобы с нее попасть на тридцатый хайвей, ведущий на запад.

Глава вторая **подробно рассказывающая о действиях** **передового отряда генерала Спринггета** **и общей ситуации на театре военных действий**

Как мы уже упоминали во вступлении, читатель найдет в нашем труде ряд очерков, обрисовывающих те или иные этапы героической борьбы техасской армии с налетчиками и бандитами, вероятно, в новом для себя свете. Для того чтобы этот свет осветил предмет нашего исследования со всех сторон, нам необходимо подробно – настолько, насколько это было бы уместно – изложить предысторию похода генерала Спринггета к озеру Амистад.

Итак, развертывание вооруженных сил Директории перед началом кампании происходило на диких и незаселенных территориях и шло в условиях противоборства со стороны мелких рейдерских банд и племен дикарей. Далее мы расскажем о том, что происходило с 13 по 17 ноября, на последнюю же дату будет дан обзор оперативной обстановки на всем театре военных действий. В начале ноября, а именно шестого числа этого месяца, племя Громовых Ползунов внезапно напало на поселок Глазоеды и взяло в плен более ста его жителей. На следующий день группа генерала Спринггета, преодолев 155 миль от Хватай-Города до Глазоедов, блокировала Громовых Ползунов, все еще находящихся в поселке. Дикари попытались вырваться из окружения следующим утром и были отбиты с большими потерями: две дюжины убитых и плененных воинов (все они были взяты в плен ранеными). Потери отряда генерала составили пять человек ранеными, из которых трое тяжелых (а один из них впоследствии умер).

Были захвачены 19 единиц холодного оружия, три пистолета-пулемета и автомат системы Томпсона. Оставшиеся дикари заперлись внутри поселка, продолжая удерживать заложников. В ходе последовавших переговоров, которые генерал Спринггет провел лично, он убедил вождя Громовых Ползунов, известного как Синие Ноги, прекратить сопротивление и присоединиться к силам Директории в их походе на рейдерскую крепость Гивин. Вскоре после этого половина присоединившегося к техасцам отряда дикарей и группа разведчиков вышли из Глазоедов и направились к Добрым Дружьям, куда и прибыли 17 ноября.

Приблизительно в это же время, с 14 по 18 ноября, отряд рейнджера Рубена Анкмана без особенного успеха вел патрулирование в поисках бандитов в окрестностях поселка Яд-Племя. К 18 ноября входящая в его состав группа вольнонаемной Лилу дошла до поселка Бензин-Река, где вступила в бой с бандой так называемых «губителей» (под таким общим названием в этой местности были известны стаи опустившихся дикарей, до сих пор обитающих в руинах старых городов).

К 20 ноября ситуация в районе поселков Яд-Племя и Бензин-Река прояснилась: разведывательные отряды Директории патрулировали окрестности, периодически вступая в бой с мелкими группами противников. Группа Анкмана за это время имела пять боестолкновений, в которых потеряла одного бойца, но и уничтожила 16 бандитов. Группа Лилу натолкнулась на противника только однажды и уничтожила четверых «губителей». Стабилизация обстановки позволила отрядам продвинуться дальше, оставив небольшое прикрытие для продолжения борьбы в указанном районе. Уже 21 ноября семь бойцов из отряда Лилу перешли в поселок Яд-Племя, откуда через день в направлении на поселение Десса вышел весь отряд Анкмана, за исключением девяти оставшихся на патрульных задачах солдат. Борьба с рейдерами и бандитами в районе двух упомянутых поселков шла еще несколько дней. Таким образом, к середине ноября на театре военных действий сложилась следующая оперативная обстановка:

1. Основные силы Директории находились в Добрых Друзьях (авангард генерала Спринггета и отряд Сони, всего около полусотни солдат) или сосредотачивались у Глазоедов (ставка генерала и четыре взвода первой роты ополчения Песчаных Озер, около сотни солдат).

2. Часть сил разведчиков (отряды Анкмана и группа Лилу, вместе до 50 солдат) все еще были скованы борьбой с бандитами в окрестностях поселков Яд-Племя и Бензин-Река.

3. Передовые силы противника продолжали находиться на укрепленных позициях Гивин и Стоктон.

Силы Директории на этом этапе кампании состояли из четырех самостоятельных отрядов (Анкман, Лилу, Соня, Спринггет) и роты ополченцев из Песчаных Озер. Группы разведчиков представляли собой хорошо вооруженные отряды ветеранов, воюющих с рейдерами в этом районе уже не первый год и хорошо знающих как местность, так и противника. Однако дисциплина в этих подразделениях не сильно отличалась от таковой у рейдерских банд (иногда бывшие налетчики даже оказывались на службе Директории, как это было в случае с вольнонаемной Лилу). Ополчение было более многочисленным, но его подготовка ограничивалась тремя месяцами в учебном лагере Песчаных Озер и длительным маршем на запад. Отчасти этот недостаток компенсировался опытными сержантами из числа солдат так называемой «дивизии Даллас», возглавившими первую роту в Григгинз. Таким образом, уже к концу ноября силы Директории сконцентрировались в двух запланированных точках (Десса и Добрые Друзья) для атаки на Гивин.

Бой у деревни Глазоедов. 15 ноября 2072 г.

Спринггет терпеть не мог поселки, выросшие из деревень дикарей или стойбищ кочевников, – он всегда мог их отличить даже ночью, даже если ветер дует в другую сторону. Одни названия чего стоят: Сжатые Челюсти, Мертвая Рука, Великие Псы. Или вот: деревня Глазоедов, до которой сейчас рукой подать – пара сотен метров.

Они прибыли сюда с севера по восемьдесят третьему хайвею, или «высокой дороге Четыре Круга», как ее называли местные, не видевшие заметной разницы между цифрами «8» и «3». Он расположил солдат прямо перед холмом с чрезвычайно крутыми склонами, выглядящим тут так же неуместно, как баскетбольный мяч под одеялом. На вершине холма стоял дозор, поэтому за свой тыл генерал не опасался. Деревня лежала перед ними в центре просторного летного поля располагавшегося тут когда-то аэропорта, и Спринггет вспомнил, что на его карте место было обозначено как аэропорт Единения графства Кимбл. Выглядела деревня как куча мусора, которую кто-то выбросил на гладкую поверхность летного поля, да так и оставил тут лежать и гнить. Ветер был с севера, и поэтому по запаху деревня Глазоедов пока никак себя не выдавала. От вчерашнего боя следов вокруг тоже уже не осталось: тела дикарей убрали, а раненые и пленные находились с другой стороны холма в обозе, трофеев же толком и не было.

– Назвали бы Единением хоть, дикари, – презрительно бросил Спринггет.

– Что назвали, генерал? – не понял молодой сержант из новеньких, обозревавший окрестности в бинокль.

– Деревню свою. Тут рядом был аэропорт Единение – хорошее название вполне. Нет же, Глазоеды.

– Да, дикари, что с них взять, – согласился сержант, которого, кажется, звали Бенджамин Динтон.

– А утро-то какое неплохое выдалось! – сказал Спринггет, поглядывая на голубое небо, все в мохнатых кучевых облаках. – Очень даже хорошее для ноября, вот только лезть туда даже таким утром не очень хочется. Еще подождем...

– Да, ваша правда, командир, – буркнул сержант Динтон и снова уткнулся в свой бинокль.

Позади них стояла машина Спринггета – небольшая амфибия с пристроенным сзади мотоциклетным движком. Очень шумная, но зато не прожорливая и крайне неприхотливая в плане топлива. На ее капоте сидел скучающий Призрак в своем белом бронежилете. Его белая каска висела на поясе и мерно покачивалась. Призрак курил и пускал кольца, наблюдая, как они уплывают в сторону и быстро исчезают. Спринггет вспомнил, как вчера дикари из племени Громовых Ползунов едва дали им развернуться у холма и нестройной толпой бросились в атаку, потрясая своими копьями и стреляя в воздух из пистолетов. Шансов у них не было, большая часть даже не смогла добежать до позиций солдат Спринггета, а их стрельба была больше для вида, и похоже, что они даже не целились. Его солдаты быстро перестреляли пару десятков дикарей, а оставшиеся в живых попрятались обратно за мусорные стены поселка. Потери были смешные – всего несколько раненых. Умер только один боец, которому не повезло поймать своей головой метательный топор Громовых Ползунов.

– Кажется, у нас там парламентар с белым флагом, – сказал сержант и протянул Спринггету бинокль. – Вот, взгляните, командир!

Спринггет навел резкость и увидел, что от поселка действительно отделилась и сейчас направлялась к ним небольшая группа людей, а на длинной палке они несли перед собой светлое полотнище. Впереди он увидел вождя в ярком плюмаже из перьев, а за ним несколько воинов с копьями.

– Возьми шесть человек, и займите позиции по флангам, будьте начеку! – скомандовал Спринггет сержанту и затем повернулся к Призраку. Тот уже сидел в кабине, терзая стартер в попытках завести слабенький мотор.

– Оружие? – Сержант Динтон протягивал ему автомат.

– Не нужно, – отрезал Спринггет. – Еще решат, что я их боюсь.

Солдаты быстро заняли позиции, а доехать до делегации дикарей, чтобы встретить ее на нейтральной территории, не составило труда.

– Земля потеплела у моих ног, когда я увидел тебя, славный воин, генерал Шрам! – произнес вождь дикарей, когда Спринггет вышел из машины и приблизился к группе дикарей.

Костюм вождя состоял из двух наплечников, в которых угадывались старые автомобильные покрышки, перекрещенных на груди патронных лентах и короткой кожаной юбки. На руках у него было по несколько пар механических часов, и Спринггет был на сто процентов уверен, что все они не ходили. Боевая маска вождя, представляющая собой разукрашенный полосами и кругами старый противогаз, болталась на шее.

– Меня зовут генерал Джон Спринггет, – сказал Спринггет громко, обращаясь сразу ко всем дикарям. – А как твое имя, храбрый вождь Громовых Ползунов?

– Люди зовут меня Синие Ноги! – так же громко и чуть нараспев произнес вождь Синие Ноги, поднял вверх обе руки и сделал ими пару конвульсивных движений, как будто бы опрокидывал на себя невидимый чан с водой. Спринггет заметил, что ноги его были не синие, а скорее белые, но очень грязные.

– Ты и твои люди храбро сражались, славный вождь Синие Ноги! – продолжил Спринггет, стараясь не копировать речь вождя. – Я предлагаю вашему племени объединиться с моим войском и принять участие в большой охоте на плохих людей, что живут на холмах в неделе пути на закат отсюда, за Ловцами Ветра!

Спринггет ожидал, что вождю потребуется время на размышление, или, может быть, совещание со старейшинами, или даже какие-то магические манипуляции вместе с шаманами, а возможно, что и определенное сочетание звезд и планет на небе, но все оказалось проще. Вождь Синие Ноги опять поднял руки, видимо советуясь с Громовым Тотемом племени, а затем просто сказал:

– Мы согласны, генерал Весенний Шрам! Но до Ловцов Ветра мы обычно не ходим и не знаем туда дорогу. Мы ходим до Приятеля, до торговца на Трех Закорючках и до...

– Мои следопыты знают дорогу, вождь Синие Ноги. Вы сможете получить воду и медикаменты в моем лагере и следовать за нашей колонной.

Вождь Синие Ноги сложил руки на груди и, придав лицу очень значительное выражение, медленно кивнул. Спрингтет понял, что это означает согласие. Но, прежде чем сесть в машину, он задал еще один вопрос:

– Вождь Синие Ноги, скажи мне, почему ты сейчас не вместе с другими семьями Ползунов и ушел так далеко на север?

– Синие Ноги не простой вождь, – сказал Синие Ноги, не меняя выражения лица. – Синие Ноги – вождь-ханякса. Синие Ноги – отступник. Синие Ноги – изгнанник. Синие Ноги и его люди отказались есть человечину.

* * *

Эти дикари не имели никакого отношения к тем ползунам, пугающие орды которых навели ужас на Директорию пятнадцать лет назад. Те выглядели как ожившие мертвецы, передвигались толпами и могли за сутки пройти тридцать миль, не останавливаясь ни на секунду. Они все неожиданно вымерли году в шестьдесят третьем или шестьдесят четвертом. Точно – до шестьдесят седьмого. Какая-то эпидемия скосила их с такой скоростью, что оставалось только радоваться этой внезапной удаче. Дважды – что это было так стремительно и что болезнь ползунов не перекинулась на обычных людей. Но грозная слава уже вымерших ползунов к тому времени настолько распространилась по пустошам, что сразу же нашлись хитрые дикари, которые взяли себе их наименование. Так появились Громовые, Кровавые, Собачьи, Пустынные Ползуны и еще штук пять ранее безымянных племен, обитавших между тexasской Колорадо на востоке и Ореховой рекой на западе. Все они были дикарями и людоедами, уже практически потерявшими человеческий облик. Ближе к Рио-Гранде они не заходили, северо-восточнее их тоже обычно не видели. И вот сейчас отряд Спринггета находился прямо на северо-западной границе этой группы племен.

Машина Спринггета легко катилась по плоской пустоши, иногда чуть подскакивая на кочках и ухабах. Раньше здесь проходило шоссе, но оно уже почти скрылось за наслоениями песка. Спрингтет сидел впереди, справа от сосредоточенного и вцепившегося в руль Призрака. Ему пришлось надеть очки, чтобы пыль не забивала глаза. Тканевую крышу машины они сняли и свернули, поэтому сзади, у пулеметного шкворня, сейчас расположились еще двое – снайпер Кэролин Дрей и сержант Бенджи Динтон. Он сейчас сидел на пулемете в лихо надвинутом красном берете, а Кэролин стояла, держась за поручень, и что-то высматривала на горизонте. Ее автомат болтался у нее на груди.

Спрингкету надоело ехать спереди, и он попросил Призрака остановить машину. Походил пару минут, чтобы размять ноги, и потом поменялся местами с сержантом. В кузове было довольно тряско, но хотя бы пыль не забивалась в глаза и рот. И на Кэролин было смотреть приятнее, чем на бесконечный однообразный пейзаж. Она придерживала автомат рукой, и он чуть плющил ее грудь, отчетливо выделяющуюся под грязной майкой. «Красивая девушка, только почему-то очень грязная всегда», – подумал Спрингтет. Она, кажется, заметила, что генерал ее разглядывает, и чуть усмехнулась, но продолжала стоять, а ее волосы, закрученные в конский хвост, развевались на ветру. Наконец они покинули тряские пустоши и полузасыпанное шоссе и выехали на «десятку».

Дорога к Добрым Друзьям шла по сравнительно хорошо сохранившейся десятой интерконтинентальной трассе. Глазеды, Друзья, Стоктон и Рейдвилль были насажены на нее, как бусины, с востока на запад. Гивин был тут же неподалеку, между Друзьями и Стоктоном, заметно ближе к последнему и недалеко от Ловцов Ветра. В тех краях действительно над пустошами возвышались старые ветряные турбины, уже почти все с отломившимися и упав-

шими лопастями. Ветер, который они когда-то ловили, теперь властвовал над пустошами безраздельно. На пустом хайвее периодически попадались брошенные машины, уже много лет бывшие покорными пленниками времени. Асфальт, когда-то манивший скоростью и притягивавший желающих жить быстро и недолго, грустно тянулся серой полосой в бесконечность, словно стонущий старик. От этого пейзажа на Спринггета накатывала тоска, но никто из его спутников, кажется, не разделял его настроения. Возможно, дело было в том, что их колонна шла со скоростью уставшей лошади, да и сама дорога была далеко не в лучшей форме – им периодически приходилось делать остановки и расчищать ее от мусора. Катаклизм, унесший жизни людей много лет назад, превратил в пустыню когда-то заполненный автомобилями хайвей, где теперь лишь природа была благословлена на бессмертие, бесконечно находясь в ожидании иного солнца в иной эпохе.

Лилу и Река Бензина. 21 ноября 2072 г.

Лилу медленно обошла свой отряд, выстроенный для смотра, благо для этого хватило всего дюжины шагов. Все пятеро встали почти ровно и даже имели достаточно опрятный вид. Слева стоял коротышка Мотто в своей кожаной броне и редком шлеме с откидывающимся прозрачным забралом. Оно было уже в мелких трещинах, а на поясе у него висел старенький кольт, в руках же – южный «тихуанский» автомат. Грубое, но эффективное оружие, которое крупными партиями штамповали в Тихуане, может стрелять даже с горстью песка в затворе, магазин на двадцать четыре патрона. За ним переминалась с ноги на ногу непоседа Салли, которую чаще звали просто Косичка за ее прическу. У нее тоже был пистолет и за спиной рычажная винтовка в каком-то редком калибре и с самодельным оптическим прицелом, представлявшим собой трубку, едва ли не длиннее винтовочного ствола. Впрочем, убогость этого агрегата компенсировалась естественным глазомером Косички, так что на своего снайпера отряд обычно не жаловался. Одетая она была как бродяга: руки и ноги в несуразных обмотках, а на теле – остатки выдавшего лучшие годы кардигана. А может быть, это когда-то было пальто. Следом за ней выглядывал Фингал, прозванный так за татуировку вокруг правого глаза. Он был в громоздкой броне тихуанцев и с многозарядным ремингтоном. Фингал прибил к отряду недавно и был из дезертиров картеля, поэтому, можно сказать, находился еще на испытательном сроке. Ну и завершали строй два неразговорчивых брата откуда-то из-под Песчаных Озер – Билли и Бобби. Старший, Билли (штурмовая винтовка, как у Мотто), был лысый, как коленка, но с вислыми усами, а младший, Бобби (короткий дробовик с барабаном и пистолет двадцать второго калибра со встроенным глушителем), наоборот, с копной волос и всклокоченной бородой, но без усов. Бобби был разведчиком отряда. У них обоих были перекинутые через плечо кожаные патронташи, куда братья умудрялись запихивать такое количество боеприпасов, что в любой затянувшейся перестрелке к ним вскоре начиналось паломничество за «лишней обоймой».

Сама Лилу, в тяжелой армейской каске с надписью «Рождена, чтобы убивать», модных черных очках, отличной кожаной куртке с патронташем и зеленых бриджах с высокими шнурованными ботинками, с обмылком сигары в углу рта, была образцом стиля и объектом для подражания. На правом бедре в чехле у нее висел нож, слева – автоматический пистолет под «девятчку» – самый распространенный калибр, а в руках она держала, заботливо поглаживая, самую настоящую машину смерти – новенький автомат Томпсона в калибре «точка и сорок пять», с дисковым магазином на девяносто патронов. Автомат и кое-что из амуниции ей выдали со склада в Тристаре, а все остальное снаряжение она добыла самостоятельно.

У всех, кроме Фингала и Лилу, на одежде красовались треугольные нашивки армии Директории, где молния пересекала орудийный ствол под тристаровской звездочкой. Фингал был дезертиром, а Лилу – вольнонаемной, и ей такая нашивка не полагалась. И это были все,

кто у нее остался после того, как еще семеро бойцов вышли на соединение с отрядом Анкмана. Негусто для того, чтобы демонстрировать в окрестностях «присутствие крупных сил нашей армии», как было упомянуто в приказе.

– Бойцы, вольно! – решительно скомандовала Лилу, и сразу же Косичка задала вопрос, который придумала, вероятно, только секунду назад:

– Лилу, а вот скажи, когда ты была рейде...

– Я. Никогда. Не была. Рейдером. Заруби себе на носу! – отчеканила Лилу, держа руку на поясе с пистолетом.

– Воу-воу, полегче! Я же не хотела...

– Сталкером. Это называется сталкер. Я была сталкером.

– Ну да, типа того. Когда ты была этим вот самым сталкером, тоже таких уебков видела?

– Не, – помотала головой Лилу. – Такого, как сейчас, в те времена не было, – задумчиво добавила она, – время было другое. Не такое, как теперь.

– Но ты же видела заговоренных?

– Конечно! У меня у самой был в группе такой чудик – все считал, что пули от него отскакивают, и всегда лез на рожон.

– И что?

– Ну как что. Убили со временем, конечно.

– Вот и я думаю, – обстоятельно сказала Косичка, – губители совсем не заговоренные, просто либо торчки лютые, либо просто везет им.

– Точнее стрелять надо, подруга, – сказала Лилу и, воспользовавшись секундным ступором Косички, легонько щелкнула ее по носу, а затем, напевая что-то себе под нос, пошла прочь. – Бобби в дозоре! – бросила она через плечо.

– Но рейдеры-то знаменитые хоть были заговоренные? – не унималась Косичка, вприпрыжку следуя за командиром.

– Эх! – махнула на нее рукой Лилу. – Рамон, Ханна, Жанет Наповал – веселые были ребята, но не бессмертные. Давно уже их косточки греются в пустошах...

Оставив Косичку в размышлениях, Лилу пошла в свой тенистый уголок под полуразрушенной стеной, куда вчера притащила найденное неподалеку автомобильное кресло, и собралась часок вздремнуть перед ночным патрулем. Бойцы отряда уже разбрелись по лагерю и начали заниматься своими делами, а Бобби пошел на наблюдательную вышку, прихватив винтовку Косички в качестве бинокля. Лилу вспомнила, как они неделю патрулировали окрестные пустоши и группа Анкмана регулярно передавала весточки, как за это же время имела уже пять контактов с противником, в которых потеряла одного бойца, но и уничтожила полтора десятка бандитов, а они все ходили по пустым полям совершенно пустыми. И вот вроде бы в ничем не примечательных руинах они столкнулись с этими «губителями».

Их было четверо, и они были замотаны в какие-то грязные тряпки, как бродяги или мертвяки. Ни брони, ни тяжелого оружия у них не было – пара с пистолетами, а один вроде бы вообще с ножом. Сначала бойцам Лилу улыбнулась удача, и один из мерзавцев моментально откинулся с простреленной головой, а остальные трое проворно попрятались где-то в руинах.

– А-а-а! Шлепнула как муху! – заорала откуда-то сверху Косичка.

И вот этих троих они не могли взять, как ни старались. То ли дело было в том, что уже наступили сумерки, то ли губители были действительно заговоренными, но пули попадали куда угодно, только не по ним. Пришлось пойти на сокращение дистанции, но все обошлось – они нашпиговали убудков свинцом, и оказалось, что те никакие не заговоренные, а просто верткие и удачливые подонки.

* * *

Разведчики расположились рядом с поселением, названном своими обитателями Река Бензина, и бог знает что было у этих обитателей на уме, когда они выбирали такое название для места, где собрались жить и, возможно, умереть. Поселком этот гадюшник было назвать сложно – обычная грязная деревня. Под мрачным небом, серым, как асфальт близлежащих шоссе, и таким же потрескавшимся, она раскинулась вдоль извилистой речки, вода которой словно струилась вязкой мазью, изуродованной пятнами мазута и бензина. Дома, бывшие единственным прибежищем для жителей этого места, будто специально были сложены из мусора и грязи, добытых на ближайшей свалке. Каждая кривая стеночка поселка – а ровных стен тут не было, – сложенная из осколков прошлого, словно хотела что-то рассказать проходящему мимо путнику. Или, возможно, просто тихо шептала всякие непотребства.

Лагерь Лилу разбила в разрушенной церквушке, а сама деревня находилась отсюда в миле на северо-восток. Места тут были действительно безрадостные. Когда-то это были поля, а после Катастрофы вследствие аварии на нефтеналивном терминале большая часть рек превратились в зловонные безжизненные канавы, радующие глаз разноцветной водой, но смертельные для людей и животных. На севере торчали исполинами остовы ветряков, на юге до горизонта растянулась выгоревшая равнина.

Лилу уже почти задремала, как до нее донесся разговор, в котором участвовали Косичка Салли и Мотто. Мотто, как она знала, был родом из столицы, но отсутствие денег и неспособность к праведному труду привели его в итоге в армию Директории.

– Все, Салли, больше в Тристаре такого нет, как бывало раньше...

– Вообще нет? Типа сухого закона?

– Ну вообще нет, как есть говорю. Пару раз стрельнут за ночь – и это все. Не так, как раньше, когда Скрамбл всю ночь в фейерверках, а наутро приезжают репортеры и все чинно да благородно описывают, всю вереницу трупиков, что набили за ночь. Я, бывало, по тридцать и даже больше видел...

– Да пиздишь ты!

– Хозяйками поклянусь!

– Так, а как теперь-то? Скрамбл уже все, получается? – сокрушенно произнесла Косичка.

– Не все. Все как раз на месте – казино там, бордели, ставки, собачьи бои. Все есть.

Но семьи все держат вот так вот.

– Вот дела! Давай скорей рассказывай, чего и как...

– Первая это, конечно, Доча и ее банда. Черная Ласка Элеонора – слышала, наверное? Такая вся из себя правильная красотка, умная, как ее папаша, но ворочает делами почище, чем любой мужик. У нее самые отборные ребята сидят на ставке. Вторая семья – это Кларки. Ну, они из бывших складских, поднялись на леваче всяком. Третья – это семья китайца этого, Лавенжа, группировка его, в общем. С ними вообще никто не связывается, потому что они и разведку Директории уже давно за пояс заткнули...

– Да ты что?!

– Ага, вообще бешеные психи, хуже налетчиков. Ухлопали Сокаля, а он был третьим человеком в старой разведке, еще при нашем генерале поднялся. И им хоть бы хны! Кто им дорожку перейдет – найдут за воротами в канаве с рейдерским галстуком. Знаешь про рейдерский галстук, Салли?

– Знаю, мы его галстуком мертвяка называли.

– Что, реально кто-то мертвяку в рот пальцы свои совал?

– Не знаю, галстук этот на моей памяти только людям делали. Так что там с семьями?

И они между собой не срутся?

– Ага, даже без перестрелок обходятся, вот какие времена настали, подруга! Кларки и Лавенж вроде враждуют промеж себя, а клан Дочи поддерживает как бы перемирие с ними.

– И как это им удалось так?!

– А они поделили все. Доча занимается салонами и игорными столами, Лавенжи приторговывают оружием и бухлом, Кларки – эти по части наркоты больше, хотя и казино свое тоже держат.

– Хитро устроились. Но, мыслю, до поры до времени это...

– Думаешь?

– Конечно, эти пауки в одной норе долго не просидят.

Глава третья **делающая необходимое отступление** **в историю картеля Тихуана, а затем** **описывающая ситуацию, сложившуюся** **с подготовкой, оснащением и снабжением** **войск Директории**

Руководствуясь желанием ввести читателя возможно глубже в круг вопросов и условий боевой деятельности техасских войск в данной кампании, авторы сочли необходимым предпослать изложению собственно боевых действий детальное описание противника. Как всем известно, Тихуанский картель проявил себя как влиятельная криминальная сила уже с первых лет после Катастрофы. Изначально картель происходил из южной Калифорнии (обширная местность на западном побережье, не являющаяся в настоящее время частью республики), но, будучи, как и прочие организации, законные или криминальные, совершенно разбит катастрофическими событиями Конца Света на множество осколков, выжил, вероятно, только на границе Техаса и старой Мексики. Нам, по крайней мере в настоящее время, неизвестно о существовании организации с подобным названием в Калифорнии или же в других частях страны. О ранней истории этого преступного образования почти ничего не известно, кроме того, что отряд полковника Джонса с военной базы Инглесайд вел с наркобаронами ожесточенную войну во второй половине 50-х годов. Результатом этого конфликта стало серьезное ослабление картеля, в результате чего до крайности обострились противоречия между его главарями. В 2062 году в своей резиденции в Нуэво-Ларедо с помощью подложенной бомбы был взорван тихуанский лидер по кличке Вега-Вега, а вместе с ним погибла и часть его прихвостней. Вскоре после этого захват власти в Нуэво-Ларедо совершил высадившийся на берега Рио-Гранде отряд командира О'Хисти из все того же Инглесаида. Вероятно, это была не санкционированная полковником Джонсом операция, поскольку помощи со своей базы отряд далее не получал и, по сути, являлся мятежным. О'Хисти пытался реформировать сам картель и прежде всего его вооруженные силы, восстановив производство оружия на заводе близ Нуэво-Ларедо и создав некое подобие регулярной армии. В это же время Даллас, а точнее обширная область его руин, был занят Директорией, а затем последовала кампания по покорению земель дикарей, продолжавшаяся до 2070 года. Таким образом, единственное законное правительство Техаса взяло под свой контроль район вплоть до Друзей. А поселок Добрые Друзья, как известно, находился уже в непосредственной близости от земель картеля.

В Тихуане же в 2066 году началась очередная междоусобица. В первой половине года вспыхнул бунт против военных, во время которого О'Хисти погиб, а его «новая армия» распалась. Нуэво-Ларедо на три года погрузился в хаос постоянных кровавых столкновений между бандами. В этот период среди прочих главарей и наркобаронов выдвинулась фигура некоей Терезы Виал, которую вскоре стали называть не иначе как «Королева Ягуар» и «Царица Картеля». Она взяла под свою руку значительную часть вооруженных бандформирований картеля и в ходе ожесточенной борьбы одержала победу, а затем смогла изгнать за пределы города объединенные силы так называемых «фамилий картеля».

Мы так подробно остановились на описании истории картеля лишь потому, что в описываемой нами кампании 2072—2073 годов значительную роль играла поддержка, оказываемая кланам рейдеров со стороны наркобаронов. Именно Нуэво-Ларедо снабжал неустойчивые формирования «полковника налетчиков» Грейс Хаммер боеприпасами и оружием (располагая, кстати, собственным производством легкого стрелкового вооружения), а также новобранцами.

Поэтому было бы правомочным говорить о том, что соперничество Техасской Директории шло именно с картелем Тихуана, который использовал банды налетчиков лишь как иррегулярную часть своей вооруженной силы. Впрочем, отряды собственно картеля также принимали участие в боевых действиях, и мы подробно об этом расскажем в положенное тому время.

Вернемся же к описанию подготовки войск Техасской Директории к боевым действиям. С некоторым сожалением мы вынуждены констатировать, что снабжение армии Директории в этой кампании, по сути, не осуществлялось. Какие-то запасы были сделаны в опорных пунктах до начала похода на юг, но в целом отряды ветеранов-рейнджеров, как обычно, полагались только на собственные силы, а ополчение республики еще только начинало формироваться и еще не имело своих тыловых частей. Все это приводило к большому количеству ошибок и курьезных накладок в боевом питании и снабжении частей армии. В частности, минометы ополченцев были снабжены учебными минами вместо боевых, а значительная часть присланных интендантской службой Тристара в войска винтовочных патронов была марки «303 British Mark VII» и не подходила к винтовкам «Гаранд», которыми были вооружены солдаты. При этом армии приходилось решать свои проблемы самостоятельно. Так, часть винтовок была кустарным образом переделана под новый патрон, а найденные на складах мины M50A2, снаряженные инертным составом вместо взрывчатки, планировали использовать как пристрелочные, поскольку они оставляли баллистический след и давали хорошо заметное облако от разрыва заряда черного пороха.

Как уже было упомянуто выше, в войска были переданы несколько тысяч британских патронов в коробках по 250 штук, соединенных матерчатой лентой. Как следует из интендантских документов того периода, «этот патрон образца 1910 года, с остроконечной оболочечной пулей массой 147 гран и зарядом бездымного пороха, снаряженный пулей с легким носиком и бакелитовым вкладышем, обеспечивает отличное поражающее действие». Но остается удивляться, как эти боеприпасы пережили Катастрофу и вообще как именно оказались на складах Директории. Существует версия, что они были обнаружены в запасах одного их техасских оружейных коллекционеров или же имеют свое происхождение из какого-нибудь исторического музея.

При этом руководство вооруженных сил Директории осознавало имеющиеся проблемы и уже начало готовить соответствующую инфраструктуру для будущих операций на западной границе. Позаботились и о пополнении: в Песчаных Озерах шло формирование второй и третьей рот ополчения, а в Далласе под руководством майора Энджела тренировались четыре разведывательно-диверсионных отряда («Остин», «Буллет», «Команч» и «Даллас»).

В это же самое время, то есть к началу декабря 2072 года, основные силы генерала Спринггета заканчивали сосредоточение у Добрых Друзей. Сюда прибыли штаб Спринггета и его личная охрана, а также группа союзных дикарей вождя Синие Ноги. Здесь они встретились с отрядом Сони (около 30 бойцов). Четыре взвода первой роты ополчения Песчаных Озер (еще около 90 бойцов) шли сюда же из поселка Григгинз пешим порядком. Сводная рота разведки Анкмана все еще находилась близ руин Дессы, но после ее зачистки также должна была выдвигаться на соединение с основными силами армии. Тем временем генерал Джон Спрингет и его офицеры приступили к планированию операции против рейдерского клана Гивин.

Зачистка Дессы. 29 ноября 2072 г.

Сорок лет – большой срок, и после четырех десятилетий, проведенных во власти пустошей, город было уже не узнать. Если бы житель небольшого городка Одесса в западном Техасе из какого-нибудь 1972 года переместился волшебным образом на сто лет вперед и очутился на заброшенных улицах руин Дессы, он бы даже не узнал родные места.

Город пострадал от пожаров, весенних паводков, гулявших по пустошам торнадо и был, в общем-то, полуразрушен. Уцелевшие улицы то зарастали травой и деревьями, то снова очищались огнем или раскаленным солнцем, и каждый раз от города оставалось все меньше. Даже сейчас, в конце засушливого сезона 2072 года, как минимум три четверти всех улиц, площадей и тротуаров Дессы были покрыты пожухшими растениями, терпеливо ожидавшими зимних дождей.

В руинах домов большая часть бытовых предметов была уничтожена временем или украдена бесконечными волнами мародеров, рейдеров, сталкеров и просто путешественников – в пустошах уже давно не было права частной собственности. Впрочем, и пожить здесь теперь было нечем: бытовая техника пришла в негодность от пыли и ржавчины, одежда и обувь почти истлели, а фотографии и старые купюры были разъедены прожорливой плесенью. Из неразумных тварей руины Дессы населяли ненормально большие пауки-скакуны и две разновидности ядовитых змей, а из разумных обитателей в бывшем городке обосновалась банда «Славные Ружья», и неизвестно, кто из них был хуже. Лилу открыла помятую и засаленную тетрадь на последней исписанной странице и с выражением прочитала:

– «Припорошенный пылью отдаленный городок, расположенный где-то на просторах Техаса, выглядит словно памятник своему собственному упадку. Здесь нигде не найти потоков жизни или даже искорки надежды. Вместо этого разрушение и опустошение царят во всей своей власти».

– Ну как? – заглядывая ей в глаза, спросил Бобби.

– Неплохо. Не скажу, что я книжный червяк, Бобби, но мне нравится. Про «потоки жизни» прям хорошо. Продолжай!

И с этими словами она было отдала тетрадку, но Косичка, сидевшая на торце обвалившейся стены и наблюдавшая за окрестностями, замахала на нее руками.

– Ты дальше почитай, командир! Там вообще закачаешься! – с восторгом сказала она, выпучив глаза. – Так складно слова ложит, что прямо... прямо... – Она затруднилась сформулировать и еще раз нетерпеливо помахала рукой с зажатым биноклем.

– Эй, ты смотри прибор мне не грохни! Шкуру спуцу! – пригрозила ей Лилу и продолжила читать: – «В этом опустевшем месте, под пронзительным небом, настороженность таится на каждом шагу. Опасности могут поджидать из кустов, готовые напасть на бессильных или неосторожных. Здесь ходят дикие звери, неуправляемые и свирепые, способные истребить все, что кажется им уязвимым. Одичавшие люди роятся во мраке этого погребенного в забвении городка, утрачивая последние осколки человечности».

– Отпад! – сказала Косичка, закатывая глаза.

– Не, чё-то тут не так, – задумалась Лилу. – Ты извини, Бобби, но так не говорят. Это не по-людски.

– Что? – удивленно спросил Бобби.

– Ну вот это, например: «одичавшие люди роятся» – ну как так? Люди не роятся, Бобби, это же не ебаные муравьи или пчелы какие там.

Косичка хихикнула. Бобби задумался и сказал:

– Ну, ты, командир, прямо как этот... который всех обсирает...

– Кто?

– Ну этот – стендап-комик?

– Ага. Он самый!

– Ну да, – гордо сказала Лилу, – в точку! Самый настоящий комик. Я вам не рассказывала, как водила дружбу со знаменитой артисткой Бетти Фивер?

Прибывшая к заброшенному поселку Десса утром 25 ноября «сводная рейнджерская рота Анкмана – Лилу», численностью едва достигавшая взвода, обнаружила в развалинах

лагерь банды «Славные Ружья» и стоянку еще одного отряда рейдеров – вероятно, уже из Мох-ока, бывшей столицы Конфедерации налетчиков. Общая численность бандитов превышала сотню голов, однако они были плохо организованы и весьма посредственно вооружены. И, поскольку Десса была важна силам Директории как база для действий против следующей цели кампании – Гивина, оставлять такой гнойник в тылу генерал Спрингет не пожелал, и здесь также началась операция «по зачистке территории от бандитских формирований и прочих нежелательных элементов». Анкман сформировал две группы по шесть опытных ветеранов, которые поочередно начали прочесывание развалин. Поскольку их снаряжение и количество боеприпасов также оставляли желать лучшего, рейнджерам приходилось использовать тактику «бей и беги», тревожа расположение бандитов и отступая, в каждом столкновении убивая одного или нескольких налетчиков. Освоившись таким образом на местности и немного испугав бандитов, бойцы Анкмана усилили свой напор и начали теперь уже дневные операции.

Последние несколько дней руины Дессы днем и ночью сотрясали грохот стрельбы и истошные крики раненых. Отряды разведчиков Директории расположились в пустошах вокруг поселка, блокировали банду и теперь вели планомерную осаду, понемногу пуская «Славным Ружьям» кровь. Старая и проверенная временем тактика, которую Анкман довел до идеала еще во время зачистки Далласа. Бандиты значительно больше любят грабить, чем сражаться, поэтому боевая стойкость – не их сильная сторона. Очень быстро они начинали нервничать и делать глупости, ссориться между собой и пытаться спасти свою шкуру, прорываясь из кольца небольшими группами. Как дикие звери на загонной охоте. Люди Анкмана были лучше подготовлены, хорошо мотивированы и готовы биться таким образом неделями, отстреливая зазевавшихся мародеров тут и там, вызывая у них панический ужас одним только фактом того, что теперь на них охотятся, как на животных.

Лилу облокотилась на кусок стены, служивший ей убежищем последние пару минут перестрелки, глухо стукнувшись о камень каской. В горле пересохло, но воды уже не было. Эта история все меньше и меньше ей нравилась. Наверное, впервые она так сильно кляла себя за то, что вообще вписалась в эту авантюру и пошла в армию Директории. Будучи вольной охотницей, она бы и на десять миль не подошла к «Славным Ружьям». Это сильная, большая и всем известная банда, рыл на сто, не меньше. Да даже когда она сидела в тюрьме у рейдеров в Ланкастере, она не чувствовала себя так безнадежно!

По стене сверху от нее снова прошла очередь, которую пустил засевавший в руинах напротив рейдер с красным гребнем на голове.

– Да сколько же у него патронов?! – возмутилась Лилу, отряхиваясь от просыпавшейся на нее пыли.

– Я бы справа его взял. Прикрыть бы, – тихонько процедил лежащий рядом с ней Бобби. Свой дробовик он с самого начала боя хотел пустить в дело, но дистанция до Красного Гребня была великовата.

– Эй, пидор! Сдавайся! – крикнула Лилу через улицу, внимательно следя, чтобы не высываться никакими частями тела.

– Отсоси у меня, шлюха! – заорал в ответ Красный Гребень и снова пустил длинную очередь.

Где-то справа послышались еще несколько суматошных выстрелов.

– Пора валить уже, с этим в другой раз покрываемся, – прошептала Лилу, пригнувшись к Бобби. – Давай собирай ребят.

– Блядь, жалко-то как, там такой ствол у него валяется, – сокрушенно прошептал в ответ Бобби, но, ловко огибая кучи камней, ужом пополз в развалинах обратно, туда, где сидели, прикрывая другие сектора, Фингал и Билли.

Они натолкнулись на группу из трех рейдеров, как обычно, совершенно случайно и застали их врасплох: Красный Гребень отливал в руинах, пока двое его подручных изоб-

ражали боевое охранение, торча истуканами прямо посреди улицы. Косичка могла бы снять их обоих одним выстрелом, но в последнюю секунду один из рейдеров сделал шаг в сторону, и ее пуля завалила только одного. Он сейчас и валялся посреди дороги, в луже крови и все еще сжимая в руке ненужный ему уже карабин. Бобби сильно приглянулся этот магазинный карабин под пистолетный калибр, он вообще любил легкие и компактные игрушки, но подобраться близко к трофею не получилось. Началась дикая стрельба и суматоха, у Красного Гребня с собой оказался пистолет-пулемет и внушительный запас патронов, и они все залегли в руинах, продвигаясь небольшими рывками. Второго рейдера все-таки завалили – кто это сделал, Лилу не видела, но слышала его истошные вопли. Он умер не сразу, а только после четверти часа надрывных криков, как будто их громкость что-то решала в его незавидной судьбе. И вот сейчас пора было уходить, так как обычно минут через пятнадцать-двадцать из лагеря налетчиков приходило внушительное подкрепление.

* * *

Действуя примерно таким же образом, нападая и отходя, они уже шесть раз атаковали лагерь рейдеров и к сегодняшнему дню уничтожили шестнадцать бандитов, не понеся потерь со своей стороны. И это, по крайней мере, тех, кого Лилу лично видела в состоянии совсем мертвых трупов или же слышала их предсмертные вопли и могла по своему опыту гарантировать неблагоприятный исход их брэнной жизни. В этот раз они также организованно отступили, запутали следы и оторвались от преследовавших их рейдеров (те, надо сказать, не очень упорствовали и быстро повернули обратно в свое логово), а через пару часов дошли до укрытого в лощине лагеря разведки. Здесь Лилу аккуратно взял за рукав и отвел в сторону Анкман, командир их сводного отряда.

– Лилу, девушка моя любимая, моя роза пустыни... – начал он, поглядывая на нее своими кошачьими глазами, ковыряя одной рукой клочковатую бороденку, а второй продолжая держать ее за рукав.

– Ну что еще, блядь, случилось? – устало спросила Лилу, ослабляя ремешки шлема. После нескольких часов в каске ее шея и позвоночник были одним столбом боли.

– Ты же знаешь, как я тебя люблю! – совершенно искренне произнес Анкман. – Побудешь тут еще пару дней, а? Не больше! Продемонстрируешь, как говорит наш генерал Шрам, присутствие кадровых частей армии Директории в зоне операции?

– Дык я и не отказывалась – как и всегда, пойдем дальше выкуривать пидоров... – не понимала, к чему он клонит, Лилу. – Что меняется-то?

– А меняется, моя роза пустыни, то, что мы выдвигаемся на Гивин. Нужно блокировать его с запада, чтобы они не усилили гарнизон, пока генерал подтягивается туда основными силами. А с тобой я оставляю твоих ребят и, может, еще пару человек из больных и легких.

– То есть я должна с пятью людьми сдерживать сотню рейдеров? Ты чего, Анкман? Ты ебанулся? И еще раненых мне оставляет. Да забери их с собой, не очень-то и надо!

– погоди, золото мое, не горячись! Во-первых, их уже не сотня, а человек семьдесят, и большая часть наложили в штаны – сидят в своей берлоге, не высываясь. А во-вторых, тебе не надо их штурмовать, просто пугай их и выходи из контакта. Как обычно. И наконец, в-третьих, я сразу пришлю тебе в подкрепление человека три или четыре, как только оценю обстановку под Гивинном. Договорились ведь?

Лилу развернулась и в бешенстве пнула ногой какую-то кочку, в сторону полетели мелкие камни, а ее ботинок стал еще более пыльным. Затем она села на землю, скинула уже свою каску и обхватила мокрую и горячую голову руками. Анкман все крутился вокруг нее и приводил все новые и новые доводы, что-то обещал и все увеличивал свое мифическое подкрепление, а у нее в голове крутилась одна мысль: «Ну зачем я только подписалась на эту долбаную армию?!»

В этот же день, а точнее с наступлением темноты, основная часть отряда Анкмана двинулась на Гивин, для того чтобы заблокировать его. Разведчики группы «Двойная Альфа» следовали впереди отряда и указывали местонахождение противника. Будучи обнаруженными, они должны были отступить к основным силам, не ввязываясь в длительную перестрелку. Эта тактика себя полностью оправдала: таким образом им удалось заманить в засаду патрульную группу из десятка рейдеров, следовавших из Гивина. Массированным огнем из автоматов, снайперских винтовок и гранатомета группа была уничтожена, восемь бандитов погибли на месте, но двое легко раненых сбежали.

А Лилу осталась со своими пятью бойцами в руинах Дессы и делала все, о чем попросил ее Анкман, хоть и проклинала его каждый день так, что даже Косичка со временем начала за него вступаться. К первому декабря в районе Дессы «разведывательными группами, демонстрирующими присутствие кадровых частей армии Директории в зоне операции» было уничтожено еще семеро бандитов, после чего оставшаяся часть банды «Славных Ружей» в панике неорганизованно покинула развалины и устремилась к соседнему заброшенному городу Любек, что милях в ста на севере. Через два дня этот район покинули и разведчики Лилу – они двинулись на Нью-Стоктон. Однако, так и не дойдя до расположения отряда Анкмана и обнаружив миграцию стай диких кабанов и больших групп дикарей, движущихся вслед за кабанями куда-то на север, они к седьмому декабря снова вернулись на свою стоянку у Дессы. Затем группа Лилу до Рождества оставалась близ поселка Река Бензина, куда отошла уже от Дессы. Бобби в эти дни сделал новую литературную запись в своей потертой тетрадке: «Все это становится живым олицетворением неопишуемой трагедии, окутывая разрушение в своей мрачной пелене. Ни одно слово, ни одна человеческая душа не в силах вернуть этому ушедшему краю его былую жизнь и радость. Здесь остается только глухой шепот прошлого, исходящий от развалин и пустошей, затерянный среди одиночества в кровавой истории».

Безумец из Гивина. 1 декабря 2072 г.

Сложно сказать, был ли Псих действительно безумным в психиатрическом смысле этого слова или просто выделялся среди других налетчиков особенно буйным нравом, но называли его именно так. Как его назвала родная мать и была ли она у него – никто не знал. Многие считали, что Псих вылез из какой-то самой гнилой дыры или вышел напрямик из пламени преисподней. Любимым его развлечением было сталкивать пленников с обрыва над своим логовом так, чтобы они падали и разбивались на территории лагеря. Это не только запугивало других жертв, но и добавляло им работы – надо было счищать мозги и хоронить изувеченные, переломанные тела несчастных.

Подниматься на утес, где совершались экзекуции, изнутри крепости нужно было по выдолбленной в нем кривой извилистой тропинке, похожей на горный серпантин и местами даже снабженной перилами. Псих со свойственным ему своеобразным чувством юмора называл этот путь Тропой Свободы, а всех прошедших по нему в одну сторону – «освобожденными». Скоро в Гивине образовался свой жаргон, и слова «выпустить» и «освободить» получили разные значения. Освобожденных еще живые пленники отскребали от поверхности, а выпущенные покидали это неприятное место через ворота и старались больше тут никогда не оказываться.

У Психа также была настоящая «тюрьма», оборудованная в металлическом контейнере с толстыми стенками и подвешенная на цепях над землей. Выход из этой душегубки был только через узкий люк в полу, крохотное зарешеченное окошко под потолком не давало взглянуть на небо, а днем короб так нагревался, что находившиеся там несчастные не всегда дотягивали до ночи, когда ледяной воздух пустыни заставлял их стучать зубами от холода. А еще иногда под контейнером разжигали костер, чтобы повеселить Психа истошными криками пленников.

Несмотря на высокую стену и еще более высокий склон горы, крепость Гивин была не так уж хорошо приготовлена для обороны. Всего одна наблюдательная вышка, она же пулеметное гнездо, обеспечивала охрану поселения рейдеров. Псих не собирался тратить силы на улучшение обороны, уповая на то, что стоявшая на вышке «пятидесятка» успокоит любого желающего напасть на его логово. Почти вся банда Психа состояла из уже обзаведшихся семьями рейдеров, но их жены и подруги были ничем не лучше своих мужей. Жен называли «танцующими с лезвиями», и они действительно были вооружены в основном ножами. Из-за того что как минимум половина обитателей форта были женщинами, ни дня не происходило без громких скандалов и драк, но они Психа только забавляли, поскольку развлечений в Гивине (кроме полетов с утеса и поджаривания пленных) не было. Его личные апартаменты находились в еще одной металлической коробке, пристроенной прямо к склону горы на высоте метров в пять. Подниматься туда надо было по металлической лестнице, а места внутри едва хватало для трех или четырех человек.

– Прикрой дверку, сквозит, сука... – лениво попросил Псих своего гостя. Этот гость, небольшого роста налетчик в потертой кожаной безрукавке и с длинной челкой, закрывавшей половину лица, начал хлопать дверцей, у которой заедал замок, отчего все жилище Психа содрогалось и издавало металлический скрежет и лязг. – Да сильнее давай, что ты как девка, на хуй! Сильнее давай! – кричал Псих, валяясь в глубине комнатки на грязном матрасе.

Обстановка у него в конуре была спартанская, хотя правильнее ее было бы назвать истинно рейдерской. Наконец Морра, комендант крепости Стоктон и давний приятель Психа, справился с дверцей и сел около окошка, вытащил свой пистолет и принялся наглаживать его специальной бархоткой.

– Ну чего ты приперся? – устало спросил Псих.

– Скучно, – вяло ответил Морра. – Делать совсем нехер.

– Мне тоже, – произнес Псих с чувством. – А может, это... дунем? – Он внезапно оживился.

– Так позавчера же еще все сдули, – уныло сказал Морра. Он положил пистолет, потянулся, зевнул и еще раз сказал: – Ну и скука, на хуй!

– А чего вот ты сюда приперся, раз тебе и тут скучно? – вдруг разозлился Псих.

– А что мне делать в Стоктоне? Там еще хуже, у тебя хоть тюрьма есть... – ответил Морра, разряжая пистолет и по одному, рядом выставляя на столик патроны. Один из них упал и закатился под столик, но Морра только устало посмотрел, как он поблескивает там в тени латуню, и не стал нагибаться.

– А может, это... полетать отправим кого? – предложил Псих.

– Так двое всего осталось. Так ты всех их потратишь – и зимой что будешь делать? До следующего похода еще месяца три.

Послышались шаги по металлической лестнице, и дверь после нескольких попыток ее открыть отворилась.

– Блядь! Закрой ты эту долбаную дверь! – заорал разъяренный Псих.

В крохотную щелку просунулась голова, которая сообщила:

– Пленного привели, этого клоуна с красным гребнем.

– Что еще за клоун с гребнем? – спросил Морра.

– Да он вроде как из Дессы, от «Ружей». Мы его на всякий заперли, мало ли что спиздит тут или подсмотрит еще чего, на хуй... – Псих сел и махнул рукой. – Веди его сюда, блядь!

Через несколько минут на пороге появился помятый рейдер с завалившимся набок рыжим гребнем. Руки у него были связаны спереди мотком проволоки.

– Чё-то ты приуныл, гребешок, да? – сказал Псих, критически оглядывая пленного. – Смотри, Морра, какие жалкие пидоры у «Ружей» остались. Одно расстройство глядеть – ни доблести, ни куража. Тьфу! – Гребень ничего не сказал и продолжал угрюмо стоять молча. Его

проводящий, хромым и уже старый рейдер по кличке Флай, пристроился рядом и не сводил с пленного ствол короткого ружья. – А ты, я гляжу, не особо-то любишь поболтать, да? – угрожающе спросил Псих.

– Люблю, – ответил Гребень. – Завсегда в хорошей компании поболтать могу, особенно если руки развязаны.

– Хм, ну развяжи ему руки, Флай. Да убери это сраное ружье свое, еще стрельнешь – нас с Моррой дробью напичкаешь.

Когда пленному освободили руки и он начал их растирать, оглядываясь, Псих спросил:

– Ты патруль мой не видел случайно, пока сюда шел? На северо-западе от поселка, как раз там, откуда ты явился...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.